

✧ ВАДИМ ПАНОВ ✧

ТРИО
НЕИЗВЕСТНОСТИ

МОСКВА ✧ ✧ 2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Оформление серии *С. Прохоровой*

Серия основана в 2005 году

Иллюстрация на переплете художника *Михаила Петрова*

Панов, Вадим Юрьевич.

П16 Трио неизвестности / Вадим Панов. — Москва :
Эксмо, 2022. — 384 с. — (Тайный Город).

ISBN 978-5-04-160412-7

Хитрость против подлости, доблесть против ярости. Противники сошлись в прямом бою, исход которого непредсказуем. Загадочная Мартина позади, гибель Тринадцатой Астрологической экспедиции раскрыта, впереди — таинственная Близняшка, неизвестная Урия и тщательно охраняемые секреты Консула: несомненно — гения, несомненно — злодея. Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур оказался на его территории, но не в его руках. Сможет ли Помпилио вырваться из ловушки, в которую завела его лингийская дерзость? Прорвётся ли «Пытливый амуш» к звёздам сквозь аномалию и урийское сверхоружие? И что будет, если в следующий раз они увидят звёзды, находясь в эпицентре идеального шторма Пустоты?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160412-7

© Панов Ю.В., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ПРОЛОГ

*в котором везение и внимательность дарят
надежду на великое будущее*

Доводилось чувствовать себя мёртвым?

Ну, или почти мёртвым? Потерявшим всякую надежду на спасение? И потерявшим не по слабости характера, а по объективным причинам: твой цеппель¹ скрипит всеми шпангоутами, из пятого баллона фонтанирует газ, третья мотогондола сорвана и навсегда осталась в Пустоте, вторая работает, но толку от неё нет, потому что лопасти пропеллера невероятным и неведомым образом погнуты, и на оставшихся четырёх двигателях можно идти лишь на средней скорости. Но это только часть проблем. Малая часть. А основная заключается в том, что ты не знаешь, где находишься. Ты стоишь на капитанском мостике, смотришь на невиданный, запредельно прекрасный пейзаж и понимаешь, что никто и никогда сюда не добирался. А звёзды, что сияют над головой, не указаны ни в одном астрологическом атласе. И ещё ты видишь, что планета, на которую тебя занесло по прихоти Пустоты, безжизненна настолько, насколько может быть безжизненным мёртвое.

Ты стоишь, смотришь на невероятный пейзаж и понимаешь, что надежды нет.

Никакой.

---

¹ Значение этого и других принятых в Герметиконе терминов можно посмотреть в словаре.

И ты чувствуешь себя почти мёртвым. А потом слышишь, как твой старший помощник спрашивает у астролога, знает ли тот, где они оказались. Астролог отвечает, что нет, и тогда старший помощник, человек, с которым ты прошёл половину Герметикона, который не раз и не два доказывал свою храбрость, человек, в котором ты ни разу не усомнился и которого считал другом, твой старший помощник достаёт пистолет и стреляет себе в голову.

А ты даже не оборачиваешься.

Потому что только что вышел из такого шторма, по сравнению с которым придуманный галанитами ад покажется муниципальным парком для воскресных прогулок. Ты не оборачиваешься, потому что медленно, очень медленно осознаёшь, что едва не погиб. Что чудом избежал смерти — настоящей, которая навсегда, и это осознание придавливает так сильно, что хочется махнуть стакан бедовки. Залпом. И ещё — очень хочется сесть и заплакать, впервые за многие годы — сесть и заплакать, слезами выдавить из себя напряжение и страх. Но ты не можешь. Ты здесь главный, и если цепари почуют слабость — вам точно не выбраться. Цепари должны тебе верить.

Цепари должны верить в тебя.

И вот теперь ты оборачиваешься. Бросаешь равнодушный взгляд на труп старшего помощника, щелчком сбиваешь со штурвала окровавленный кусочек кости и взглядом заставляешь рулевого вернуться на пост. Астролог вызывает уборщиков. Ты смотришь в потухшие глаза цепарей, видишь в них обречённость и прикидываешь: как скоро на борту вспыхнет бунт? Бесцельный и бессмысленный — от страха. От того, что слетят запреты. И в этом бунте погибнут все, но главное — остатки надежды.

Ты понимаешь, что бунт будет, но не показываешь виду, говоришь, что на планете могут быть сильные ветры, и приказываешь укрыться в гигантском кратере. Цеппель неспешно — потому что не может быстро — опускается к подножию колоссально высокого, почти отвесного вну-

тренного склона и приземляется, потому что нужно вывести цепарей на твёрдую почву, дать подышать и успокоиться. Ты тоже выходишь — после шторма Пустоты это необходимо, — с удовольствием прогуливаешься, дыша полной грудью, кашляешь, возможно, от непривычного воздуха, и неожиданно понимаешь, что прямо перед тобой на поверхность выходит знакомая порода. Очень редкая порода. Настолько редкая, что во всём Герметиконе существует один-единственный рудник, в котором эту породу разрабатывают в промышленных масштабах. А ты видишь её под своими ногами.

И напрочь теряешь спокойствие.

Ты кричишь, чтобы принесли лопату, и начинаешь копать, не обращая внимания на удивлённые взгляды. А когда цепари собираются вокруг — изумлённые, растерянные, напуганные, готовые к бунту, злые, — ты поднимаешь над головой обломок породы и кричишь.

Ты кричишь:

— Герметикон у наших ног! — И смеёшься. — Мир будет принадлежать нам!

И цепари — изумлённые, растерянные, напуганные, готовые к бунту, злые — тебе верят.

ГЛАВА 1

*в которой заканчивается то, что началось
на Мартине, Кира теряет старого друга, кажется,
обретает нового и любитесь необыкновенным
зрелищем, Шилов принимает командование,
Жакомо остаётся верным долгу,
Магистр чувствует себя опозоренным,
а Помпилио дер Даген Тур собирается сделать
неожиданный шаг*

— Мессер, я вижу звёзды!

Слабый голос алхимика прозвучал настолько неожиданно, что на него не сразу обратили внимание. Тем более цеппель изрядно трягнуло прощальным «пинком Пустоты», вперёдсмотрящий покатился по полу, рулевой удержался, вцепившись в штурвал, а Помпилио и капитан Дорофеев спаслись лишь тем, что находились в креслах. Удержались... и через мгновение поняли, что дело не только в «пинке».

— Мы падаем? — поднял брови Помпилио.

— Мы теряем высоту, мессер! — подтвердил рулевой.

«Пытливый амуш» действительно шёл вниз, несмотря на то что в сражении не получил повреждений.

— Бедокур, что происходит?! — прорычал в переговорную трубу вскочивший на ноги Дорофеев.

— Я стараюсь, капитан! — ответил шифбетрибсмейстер. — Сбрасываю балласт.

Движение вниз заметно замедлилось. На мгновение на мостике установилась тишина, в которой отчётливо прозвучал голос Квадриги:

— Я вижу звёзды...

И это — наконец-то услышанное — сообщение вызвало у капитана логичный вопрос:

— Галилей, где мы находимся?! — который он задал машинально.

— Бацца, не время! — поморщился Помпилио, также поднимаясь с кресла.

— Да, мессер! — опомнился Дорофеев. И распорядился: — Малый вперёд!

— Ваш кофе, мессер, — невозмутимо произнёс поднявшийся на мостик Теодор.

И отступил к стене, увидев, что хозяин отрицательно мотнул головой. Некогда. Дер Даген Тур принял у радиста микрофон и громко произнёс:

— Капитанам доложить обстановку!

«Пытливый амуш» вошёл в Пустоту через «окно перехода» противника — гигантского цеппеля катамаранного типа. Вошёл, несмотря на отчаянный риск подобного прыжка. Вошёл, не зная, где окажется. Вошёл, потому что дер Даген Тур не мог отпустить врага, с которым не закончил бой на Мартине: во-первых, чтобы узнать, откуда он явился; во-вторых, потому что не мог бросить абордажную команду. А вслед за «Амушем» рискованный манёвр повторили все вымпелы маленькой эскадры: исследовательский рейдер «Дэво», импакто «Стремительный» и паровинг, которым управляла Кира дер Даген Тур. Все без колебаний пошли за Помпилио и понятия не имели, где находятся.

Впрочем, сейчас это не имело значения.

— Вижу противника! — громко сообщил вперёдсмотрящий. — Строго на восток!

— Дальномер! Дистанцию!

— Есть!

Дорофеев бросил быстрый взгляд на Помпилио, который официально командовал эскадрой, увидел короткий кивок — они понимали друг друга без слов — и склонился к переговорной трубе:

— Мерса!

— Капитан? — мгновенно отозвался алхимик.

— Ракеты?

— Устанавливаем последнюю.

Офицеры «Пытливого амуша» понятия не имели, что такое безынициативность: отстрелявшись, Мерса тут же принялся готовить следующий залп, прервался на время межзвёздного прыжка, но стоило цеппелю выйти из Пустоты — вернулся к работе.

— Нам очень нужно положить катамаран на землю!

— Но...

— И как можно быстрее.

— Да, капитан!

— Готовность?

— Три минуты.

— Огонь открывай без команды! Я обеспечу дистанцию.

— Да, капитан.

— Мерса!

— Да, капитан?

— Нам очень это нужно. Мы на территории противника, и у нас нет времени с ним возиться.

— Да, капитан. Я сделаю.

Дорофеев отставил трубу, подошёл к лобовому окну гондолы и внимательно посмотрел на гигантский цеппель, находящийся впереди, но чуть ниже «Амуша» — из-за размера он просел в здешней атмосфере глубже рейдера — и потому неспособный вести артиллерийский огонь. Лингийцы тоже не стреляли, опасаясь навредить находящимся на борту катамарана десантникам.

— Средний вперёд. Высоту держать.

— Капитаны, оглохли? — рявкнул Помпилио, который до сих пор не услышал командиров подчинённых кораблей.

— Импакто «Стремительный» переход завершил, — доложил дер Шу. — Потерь нет.

— Рейдер «Дэво» переход завершил, потерь нет, — доложил Капурчик. И добавил: — Здесь что-то не так с атмосферой.

«Дэво» как раз появился слева от «Амуша», но гораздо ниже, провалился метров на двести и шёл у каменной поверхности, едва не касаясь гондолой острых скал. «Стремительный» был выше метров на пятьдесят, не больше, но дер Шу не жаловался.

— Здесь вообще всё не так, — отрезал дер Даген Тур. — Приспособляйтесь быстрее! Вы нужны мне в строю, а не под ногами...

Помпилио закашлялся, и, воспользовавшись паузой, капитаны бодро ответили:

— Есть, мессер.

— Есть, командор.

Судя по тому, что оба цеппеля начали неспешно набирать высоту, дер Шу и Капурчик уже указали своим шифбетрибсмейстерам на возникшую проблему и те приняли меры.

— Паровинг!

— Я не удержу машину, командор, — сквозь зубы ответила Кира. — Мне очень жаль.

— Так...

Дорофеев резко повернулся и посмотрел на дер Даген Тура. Впрочем, не только он: и радист, и рулевой, и вперёдсмотрящий — все сейчас смотрели на Помпилио. А дер Шу и Капурчик внимательно вслушивались в эфир. Паровинг — не цеппель, в него невозможно добавить гелий из резервных баллонов или сбросить балласт. Паровинг тяжелее воздуха, а здесь, судя по всему, оказался фатально тяжелее.

Дер Даген Тур побледнел, но продолжил говорить прежним уверенным тоном:

— Насколько всё плохо?

— Иду на аварийную.

— Принято. Постарайся приземлиться как можно ближе к катамарану.

— Катамаран ещё в воздухе, — заметила Кира.

— Ненадолго.

— Я поняла...

— Базза!

— Работаем, мессер, мы на расстоянии удара. — Капитан «Амуша» вновь перевёл взгляд на катамаран.

— Тридцать секунд! — долетел из переговорной трубы голос алхимика. — Держите курс и высоту.

— Принято, — ответил рулевой прежде, чем Дорофеев подтвердил приказ.

— Паровинг, удачи, — очень коротко и сухо произнёс дер Даген Тур.

— Спасибо, мессер.

В принципе — всё, в бою добавлять нечего, но на аварийную посадку крылатую и очень тяжёлую машину вела женщина, которую он обожал, и Помпилио не сдержался:

— Кира...

— Я постараюсь, любимый, — тихо ответила рыжая. — Я очень постараюсь.

— Да поможет нам Добрый Маркус... — Ничего больше он сейчас ни сказать, ни сделать не мог.

Вернул микрофон радисту и подошёл к боковому окну, напряжённо разглядывая идущий к земле паровинг.

///

«Да поможет нам Добрый Маркус...»

Кира не была лингвисткой, но стала ею, никогда не считала себя религиозной, но видела, как несокрушимый, всегда уверенный в себе, а главное — не часто бывающий

в храмах Помпилио не стыдится и не стесняется обращаться к небесному покровителю Линги. И потому сейчас, с огромным трудом удерживая паровинг в воздухе, рыжая одними губами прошептала:

— Да поможет нам Добрый Маркус... — эхом повторив слова мужа и вверив себя тому, в ком дер Даген Тур не сомневался.

Второй пилот вздохнул, но промолчал. А остальные члены экипажа, возможно, повторили слова нехитрой молитвы.

«Да поможет нам Добрый Маркус...»

При всех своих несомненных достоинствах паровинг был сконструирован по схеме «летающая лодка» и не предназначался для посадки на землю: ни штатно, ни аварийно. Тем более в условиях слабой атмосферы, когда снижение превращается в плохо управляемое падение на безжизненную каменистую пустыню. А падение означало верную смерть. И надеяться оставалось лишь на Доброго Маркуса да мастерство Киры, которой предстояло совершить невозможное.

— Пристегнуть ремни и держаться!

Двигатели натужно ревут, но подъёмной силы отчаянно не хватает, высота исчезает на глазах, и рыжая мечтает об одном — о времени. Ей нужно время, чтобы подготовиться, и каждая минута в воздухе — на вес золота.

Нет — дороже. Ведь нет ничего дороже жизни.

Машина предназначена для воды, но воды нет. Под паровингом только скалы и валуны. Которые становятся всё ближе... Кире страшно, но она говорит:

— Экипажу приготовиться к жёсткой посадке. — И твёрдости её голоса может позавидовать иной генерал.

Второй пилот закусывает губу. Радист шепчет молитву, шепчет безостановочно, с того момента, как понял, что паровинг падает. Бабарский вздыхает и спрашивает у Крачина порошок от укачивания. Крачин обзывает его идиотом.

Ровных площадок внизу предостаточно, однако они усеяны хаотично разбросанными валунами, скалами и их обломками, столкновение с которыми может стать фатальным. Кира знает, что ей нужно хотя бы двести чистых метров, и внимательно ищет подходящее место. И внутренне готовится садиться на валуны.

— Правее... — шепчет второй пилот, вовремя сообразивший, что высматривает командир. — На два часа.

— Принято.

Высота — сто.

Кира плавно входит в вираж, прищуривается, разглядывая указанную вторым площадку, кивает, соглашаясь с тем, что она подходит, но замечает проблему — три высокие скалы по курсу.

— Сразу за ними — вниз.

— Если дотянем.

Девяносто.

В эфире слышны голоса, но Кира их не различает. Она выжимает из двигателей всё возможное и держит штурвал. Смотрит на приближающиеся скалы и... не думает ни о чём. Вообще ни о чём. Просто смотрит на них и делает всё, чтобы паровинг прошёл выше.

Шестьдесят.

У второго на лбу пот, а на губах — кровь. И он тоже смотрит на скалы, которые вот-вот их убьют.

— Скорости бы...

Кира не отвечает. Ей кажется, что второй левый двигатель стал захлёбываться, но думать об этом не нужно. Сейчас — не нужно. Сейчас нужно держать штурвал и надеяться, что Добрый Маркус улыбнётся своим лингйцам, верным, но непутёвым, оказавшимся так далеко от дома. Улыбнётся и поддержит падающий паровинг. Даст время, о котором так мечтает рыжая.

И Кира улыбается ему. Но больше не просит и ничего не шепчет, а изо всех сил сжимает штурвал.

Сорок метров.

Самая высокая скала чиркает по брюху паровинга, но чиркает нежно... рвёт обшивку, но не сбивает. То ли Добрый Маркус помог, то ли посиневшие от напряжения руки. Паровинг вздрагивает, но проходит. Скрежет разорванной обшивки заставляет нервно вздрогнуть всех, кроме Киры — ей некогда. Рыжая изо всех сил задирает машине нос, направляя паровинг на землю, как на воду. И кричит, предупреждая:

— Сейчас!

Удар.

Кажется, кто-то вскрикнул, но эти звуки — за пределами восприятия. Кира слушает машину.

Удар.

Левое крыло отламывается. Паровинг заносит, но не сильно. Он несётся по земле, окончательно разрывая многострадальное пузо и стремительно теряя скорость.

Удар — на пути оказывается большой валун, и машина слегка подпрыгивает. Судя по грохоту, у паровинга отвалился хвост, но в заднем отсеке быть никого не должно. Кира останавливает двигатели и прислушивается. Криков больше нет. Бабарский сообщает Крачину, что «ты сам идиот».

— Посадка завершена, — громко произносит Кира. — Машина погибла. Потерь среди экипажа нет.

И слышит голос мужа:

— Отличная работа, командор.

— Благодарю.

— Мы обеспечим эвакуацию в течение часа.

— Да, мессер.

Больше всего на свете Кире хочется прижаться к груди мужа и замереть, успокоиться, чувствуя его силу, но... Чуть позже.

— Крачин! — рывкает дер Даген Тур. Он молчал, пока паровинг выполнял едва управляемое падение, но раз машина на земле, а потерь нет — для старшего помощника «Пытливому амуша» тут же находится дело.

— Да, мессер? — отзывается подошедший к рации Аксель.

— Если есть возможность, присоединись к десанту. Передай Панару, что мне нужны атласы, карты и, по возможности, астролог и старшие офицеры с катамарана. Ну и в принципе посмотри, как там и что.

Дер Даген Тур полностью доверял штаб-майору Панару и его егерям, но если есть возможность отправить в эпицентр событий своего человека, почему бы ею не воспользоваться?

— Да, мессер.

Аксель бросил взгляд на Киру — формально она сейчас являлась его непосредственным командиром, — увидел кивок, распахнул дверь, спрыгнул на землю и замер, прикидывая, куда рухнет приговорённый к уничтожению катамаран.

///

Хотя со стороны — для тех, кто ничего не знал о «Пытливом амуше» или не видел предыдущего сражения, — противостояние исследовательского рейдера и грандиозного катамарана казалось шагом отчаяния. Размеры цеппелей, слабое вооружение «Амуша» — всё, абсолютно всё говорило о том, что лингийцы обречены и начинают самоубийственную атаку лишь для того, чтобы спасти лицо.

Но это — взгляд со стороны.

По обычным меркам исследовательский рейдер не был сильно вооружён, лишь пулемёты и две пушки, но при этом «Амуш» нёс абсолютно новое, грозное оружие — ракеты, придуманные Бедокуром и начинённые особенной смесью Мерсы. Летели они не далеко, с точностью наведения существовали проблемы, как и с надёжностью самих ракет, но если они добирались до цели, то устраивали на борту сильнейший пожар, побороть который до сих пор не удавалось самым вышколенным командам.

«Амуш» уверенно клал на землю даже тяжёлые крейсера, и алхимик не сомневался в том, что катамаран разделит их участь. Расстояние до противника небольшое, а положение идеальное: Дорофеев поставил «Амуш» напротив левой «сигары» катамарана — лучшую мишень представить трудно.

— Команде — в укрытие! — громко распорядился Мерса.

Помощники молниеносно скатились по лестнице в помещение под пусковой платформой, алхимик же в последний раз проверил наведение, поджёг шнуры и последовал за подчинёнными. Люк с лязгом захлопнулся, и через двадцать секунд четыре ракеты стартовали к гигантскому цеппелю.

///

— Как они это делают? — пробормотал Иля Сямчик. Старший помощник капитана галанитского цеппеля наблюдал ракетную атаку второй раз в жизни, и вновь — с изумлением. Не привык. Не мог осознать, что четыре тонкие чёрные палочки — четыре металлические трубы, несущиеся сейчас к левой «сигаре» катамарана, — способны положить чудовищную машину на землю. Они выглядели забавно, как шутихи, но оказались смертельно опасными.

— Не знаю, как делают, но подробный отчёт я уже составил, — тихо ответил стоящий рядом Зиновар Капурчик. — Это чудо-оружие.

— Мы сможем его повторить?

— Полагаю, да. Мы знаем идею, всё остальное — вопрос технологий. — Ракеты вонзились в катамаран, и капитан «Дэво» запустил секундомер. — Интересно...

— Вижу, ты не сомневаешься в успехе... лингийцев, — обронил Сямчик.

— Сейчас от их успеха зависят наши жизни, — ответил Капурчик. — Нравится тебе это или нет.

Потому что без чудо-ракет «Пытливого амуша» у небольшой эскадры не было и шанса.

— Жить мне нравится, — хмыкнул старпом. — А вот чудо-оружие лингийцев — нет. Во всяком случае до тех пор, пока оно есть только у них.

— С этим не поспоришь... — Капурчик поднёс к глазам бинокль. — Обшивка начала нагреваться.

— Так быстро?

— Кто мог подумать, что корабельный алхимик «Амуша» — настоящий гений?

— У лысого все офицеры хороши, — буркнул Сямчик.

— В этом ты прав, — согласился капитан «Дэво», разглядывая стремительно краснеющую обшивку «сигары». — Сейчас катамаран потеряет управление и начнёт падать.

— Если они не дураки, то стравят гелий из правых баллонов и постараются приземлиться. Жёстко, конечно, но без катастрофического удара.

— Если не дураки...

///

А дураками они не были.

Им просто не повезло нарваться на оружие, о котором они ничего не знали, и пропустить фатальный удар. Они пытались сбежать, но не получилось. Они приняли удар, но поскольку видели гибель других крейсеров, то знали, к чему готовиться.

— Пожар в правом корпусе!

— Локализовать! — рявкнул в переговорную трубу Капитан.

— Не получается!

— Мы горим!

Сидящий в кресле Магистр испуганно съёжился и втянул голову в плечи. Что выглядело весьма комично для его массивной фигуры, наряженной в чёрную униформу, чёрный плащ и чёрную фуражку... Выглядело бы комично, если бы не атака страшными ракетами. Магистр любил

производить впечатление грозного вояки, но сейчас, проигрывая, растерял весь лоск.

— Они нас достали?

— Разумеется, — угрюмо ответил Третий, прислушиваясь к невнятным крикам из переговорной трубы. Он видел, как быстро погибли крейсера сопровождения, и догадывался, что сейчас творится в правом корпусе.

Паника и смерть. Температура запредельная, горит даже то, что гореть не способно, а остальное — плавится. И погасить ужасный алхимический пожар невозможно при всём желании. Огонь подбирается к баллонам с гелием, прожигает их, и катамаран начинает заваливаться набок.

— Что будет дальше?

— То же самое, что с крейсерами.

— Я не хочу умирать, — взвизгнул Магистр.

Тонкий голос сочетался с его фигурой так же плохо, как поза перепуганного цыплёнка, но Третий даже не усмехнулся.

— Никто не хочет.

Палуба ощутимо накренилась.

— Левый корпус! Травите гелий! — громко приказал Капитан. — Выравнивайте цеппель, иначе нас перевернёт!

— Нас перевернёт? — не сдержался Магистр.

— Всё может быть.

— А мы... мы опускаемся?

Третий промолчал, глядя в окно и думая о том, насколько же глупо задавать сейчас такие вопросы. А Капитан не ответил, поскольку был слишком занят текущими делами.

— Мы опускаемся? — переспросил Магистр.

— Скажи спасибо, что не падаем.

— Что?

Третий повернулся к бледному как мел радисту и жёстко спросил:

— Ты подал сигнал тревоги?

— Да, — кивнул тот, облизнув губы. — Они выслали помощь, но ближайший крейсер в двух часах хода.

— Почему так далеко?! — взвизгнул Магистр.

— Мы не очень удачно прыгнули.

Потому что торопились покинуть место сражения и астролог навёл переход наспех. Просто чтобы уйти.

— Когда ляжем на землю, егеря наверняка продолжат абордаж, — бросил через плечо Капитан. — Лысому нужна информация.

— Они уже продолжают, — выдохнул толстяк — ему показалось, что он слышит выстрелы.

— Согласен, продолжают. У них вообще нет нервов.

Тридцать отборных линггийских егерей прыгнули на катамаран с другого цеппеля, начали захват, который прервался лишь во время перехода через Пустоту, и теперь продолжили атаку. Плевать они хотели на то, что катамаран горит и кренится, — у них приказ.

Третий подошёл к стоящему у двери телохранителю и очень тихо приказал:

— Приведи сюда астролога. Если не успеешь — убей.

— Приготовиться к жёсткой посадке! — объявил Капитан.

Магистр снова взвизгнул.

///

Раскалённая обшивка левой «сигары» не выдержала — лопнула, и на месте зловещих красных пятен появились открытые раны — смертельные, страшные, — из которых вырывались языки огня. Придуманная Мерсой смесь горела бешено, недолго, но бешено, её нельзя было погасить стандартными средствами пожаротушения, и потому урон всегда оказывался значительным. Точнее — фатальным. Ни один цеппель, который принял на себя удар кошмарных ракет, не остался в воздухе. И катамаран не стал исключением.

Он резко накренился, когда огонь добрался до баллонов с гелием. Показалось, что вот-вот перевернётся и рухнет, но экстренные меры помогли: из правых баллонов стравили газ, и гигантский цеппель стремительно пошёл вниз, отчаянно пытаясь тормозить двигателями и рулями высоты.

— Ну, во всяком случае, они стараются, — заметил Помпилио, для которого не стали сюрпризом действия команды гибнущего катамарана.

— Совершенно с вами согласен, мессер, — кивнул Дорофеев. Теперь, когда противник был повержен, капитан стал значительно спокойнее.

— Жёсткая посадка — это не катастрофа. Главное, они спасут свою чудовищную машину. — Дер Даген Тур кивнул на грандиозное сооружение из астрелия, которое катамаран нёс на главной палубе. — И однажды смогут вернуть её в бой.

— К сожалению.

— К сожалению, — согласился Помпилио. — Тем не менее экипаж продемонстрировал выучку и хладнокровие.

— Именно так, мессер.

— Нужно будет сказать об этом капитану катамарана во время допроса.

— Я напомню об этом, мессер.

— Благодарю, Базза, я знаю, что на вас можно положиться.

— Благодарю, мессер.

Убедившись, что с Кирой всё в порядке, а враг повержен, Помпилио, как и Дорофеев, позволил себе несколько расслабиться и вернуться к привычной манере поведения. С некоторыми нюансами, разумеется, но так диктовали обстоятельства.

— Теодор, — протянул он в тот момент, когда катамаран ударился о землю.

— Ваш кофе, мессер, — произнёс подошедший слуга. Кофейник был специальный, очень толстый, поэтому напиток не остыл.

— Это ужасно, Теодор, — вздохнул дер Даген Тур, забирая с подноса кружку. — Ты ведь знаешь, что я всегда пью кофе сразу после выхода из Пустоты. Где ты был всё это время?

— Прошу простить мою медлительность, мессер, — склонил голову Валентин.

— Я только что говорил капитану, что могу во всём на него положиться. К сожалению, из всех присутствующих я могу так сказать только Баззе.

— Мне действительно очень жаль, мессер.

— Почему ты до сих пор не предложил капитану кофе?

— Я как раз собирался...

— Теодор, ты стал ужасно нерасторопен.

— Как вам будет угодно, мессер. — Валентин перевёл взгляд на Дорофеева. — Кофе?

— С удовольствием.

Кружка капитана — разумеется! — стояла на подносе, и Теодору оставалось лишь наполнить её:

— Прошу.

— Благодарю.

— Что-нибудь ещё, мессер?

— Скоро на борт поднимется Кира, полагаю, после всего пережитого ей потребуется расслабляющая ванна.

— Безусловно, мессер. — Валентин отвесил лёгкий поклон и покинул мостик.

А Помпилио подозвал к себе радиста и взял в руку микрофон:

— Внимание! «Амуш» и «Стремительный» начинают снижение. Приказ: провести эвакуацию. «Дэво» обеспечивает безопасность и наблюдение за местностью.

— Принято, — отозвался дер Шу.

— Принято, — ответил Капурчик.

— Приступить к снижению, — распорядился Дорофеев. — Пулемётные расчёты на изготовку! Прикрывать десант без приказа.

— База, обязательно отметьте в журнале, что приданные Экспедиции егеря проявили удивительную стойкость и необычайное мужество.

— Да, мессер.

Помпилио сделал глоток кофе и очень тихо сказал:

— Надеюсь, потери невелики.

///

Кира, конечно же, старалась посадить паровинг как можно ближе к месту падения катамарана, но в первую очередь её волновало не это, а собственно приземление, по возможности — удачное, поскольку рыжей очень хотелось остаться в живых. В результате паровинг уткнулся в землю приблизительно в полутора лигах от скал, на которые пятью минутами позже рухнул катамаран. Однако эти пять минут Аксель Крачин провёл с толком: прикинул направление, кашлянул — после посадки у него запершило в горле — и побежал экономным солдатским бегом, отметив про себя, что гравитация на новой планете несколько слабее привычной. В результате бежать, даже по пересечённой местности, оказалось легко, и три километра Аксель преодолел за неполные одиннадцать минут.

Что же касается необходимости его участия в десанте, Крачин о ней не задумывался: он был военным, получил приказ и был полон решимости его исполнить. К тому же находящимся на борту катамарана десантникам лишней ствол точно не помешает — их с самого начала было немного, и неизвестно, сколько осталось после боя, прыжка через Пустоту и катастрофического приземления. А ствол у Акселя был прекрасный — ручная бамбада по имени «Пятнашка». Крачин, как и Помпилио, был бамбальеро,

и пусть он не достиг таких высот, как дер Даген Тур, стрелял он великолепно.

///

Всего тридцать.

Один-единственный взвод лингийских егерей, приданных импакто «Стремительный» и сброшенных на борт катамарана во время отчаянного сражения на Мартине. Тридцать десантников против сотни с лишним членов экипажа гигантского цеппеля. Но был нюанс — на «Стремительном» летели не простые лингийские егеря, заслуженно считающиеся одними из лучших пехотинцев Герметикона, а переодетые в их форму офицеры полка личной охраны дара Антонио Кахлеса — родного брата Помпилио, который просто-напросто не мог оставить младшего члена семьи без должного сопровождения. Девятнадцатая Астрологическая шла по опасному маршруту, отправить с ней эскадру дар не мог, но импакто и тридцать отборных головорезов выделил, и они зорко следили за безопасностью мессера Помпилио.

Ну и разглядывали красоты неизведанной планеты, на которую их занесла Девятнадцатая Астрологическая, принимали участие в повседневных экспедиционных делах, помогали учёным собирать образцы и опытные материалы, ловили мелкую живность, но при этом отчаянно сучили по основной работе и бурно обрадовались появлению врага. То есть насторожились, конечно, поскольку любое столкновение было угрозой для жизни Помпилио, но обрадовались, ведь наконец-то начали заниматься привычным делом.

И без колебаний согласились на безрассудное предложение дер Даген Тура прыгнуть на катамаран и попытаться взять его на абордаж. Под пулемётным огнём. Против неизвестного числа врагов. Но Помпилио сказал: «Чтобы выжить, мы должны сделать неожиданный ход», и штаб-

майор Панар спокойно кивнул: «Мы сделаем». И они прыгнули. С одного цеппеля на другой.

Тридцать отчаянных лингийских головорезов.

Прыгнули — и сразу же атаковали ошарашенный, совершенно не ожидавший такого хода экипаж катамарана. Их попытались накрыть на палубе — из зенитных пулемётов, — но в игру вступила Кира, ухитрившаяся подавить самые опасные огневые точки и помочь егерям уйти с открытого пространства. А егеря, в свою очередь, сразу поняли, что управление катамараном осуществляется из четырёхуровневой надстройки, ворвались и укрылись в ней от беспощадного огня. Ну, как укрылись... укрываться следовало от них. Как говорили о полке личной охраны дара Антонио, «в нём служат или бамбальеро, или те, с кем лучше не связываться», и экипаж катамарана испытал истинность этого высказывания на собственной шкуре.

В узких внутренних помещениях егеря сменили карабины на пистолеты и ручные бамбады, однако эффективность их действий от смены оружия не уменьшилась. Пистолеты, бамбады и ножи. И ещё — бешеный лингийский натиск, противостоять которому могли только хорошо обученные солдаты, а отнюдь не рядовые цепари, не имеющие серьёзного боевого опыта. Всё, что смогли сделать телохранители Магистра и Третьего — забаррикадироваться на третьем уровне и не пропускать егерей выше. Поняв, что атака захлебнулась, Панар разработал следующий план, но реализовать его не успел — катамаран ушёл в Пустоту.

А когда переход завершился — продолжился воздушный бой.

///

Удар получился сильным, гораздо мощнее, чем ожидал Магистр. Впрочем, каким бы ни получился удар, он бы всё равно оказался сильнее, чем ожидал Магистр, и оглуши-

тельный визг толстяка заставил хладнокровного Третьего поморщиться. Но только его — остальные были слишком увлечены происходящим. Или сами кричали. Или ругались. Или рыдали от страха.

Героические усилия Капитана не пропали даром: гигантский цеппель не завалился, не перевернулся, а одновременно ударился о поверхность обоими корпусами. Причём правым, горящим, лёг на землю, а левым сел на скалы, разбив центральные баллоны, переломав шпангоуты и несущие и потеряв мотогондолы. Там же, в правом корпусе, находился арсенал, и взрыв стал достойным финалом картины гибели величественного камамарана.

— Экипажу немедленно покинуть корабль, — распорядился Капитан.

— Всем, кроме нас, — тихо добавил Третий.

— Я не хочу здесь оставаться! — подал голос Магистр. — Мы вот-вот взлетим на воздух.

— Лучше взорваться, чем оказаться в плену.

— Я хочу жить!

— Никогда бы не подумал, что Помпилио рискнёт использовать чужой переход, — покачал головой Капитан, разглядывая неспешно снижающийся импакто — «Амуш» остался чуть в стороне. — Он действительно безрассудно храбр.

— Он сделал ставку и выиграл, — пожал плечами Третий. — А теперь нужно постараться с ним не встретиться.

— Я не хочу умирать!

— Поднимите Магистра! — распорядился Капитан.

Плечистые телохранители получили от Третьего подтверждающий кивок и вдвоём, кряхтя, извлекли толстяка из кресла.

— Куда вы меня тащите?

— В бронированную капсулу, — ответил Капитан. — Они не смогут её вскрыть.

— Они ещё не приземлились!

Перепуганный Магистр напрочь позабыл о штурмующих надстройку десантниках, и даже доносящиеся выстрелы не помогли ему вспомнить о реальном положении дел.

— Они прорвались на третий этаж, — негромко доложил вернувшийся телохранитель. — Астролога пришлось застрелить.

Внизу прогрохотало три взрыва подряд, скорее всего гранаты. Капитан выругался, однако этим не ограничился и в сердцах бросил:

— Да из чего же сделаны эти твари?

И услышал сухой ответ Третьего:

— Если ты говоришь о лингийцах, то из неукротимости.

///

Пистолеты и ножи.

А когда их перестало хватать — гранаты.

Панар приказал устроить большую перестрелку у главной, самой широкой и удобной для атаки лестницы, показать, что егеря собираются идти на прорыв именно здесь, а когда защитники клюнули и почти все собрались на ней — взорвал проход на запасную, и пятеро его парней оказались на третьем уровне, обеспечив отличный плацдарм для развития успеха.

Их не смутил даже резкий крен, который экипажу катмарана удалось выправить с большим трудом: лингийцы поняли, что, выйдя из Пустоты, Помпилио продолжил бой, то есть не оставил их, отправился следом и теперь делает всё, чтобы поддержать. Поняли и приободрились. Ну а то, что мессер принял решение сбить гигантский цеппель, на котором они находились, их не взволновало: раз решил, значит, так надо.

Они чётко понимали, что удар о землю станет паузой, а не финалом, и знали, что нужно делать после — продолжать драться.

Кто-то сумел удержаться, кто-то покатился по коридорам, одному бойцу не повезло — сломавшаяся направляющая насквозь пронзила грудь, но все, кто мог продолжать бой, вернулись в него ещё до того, как гигантский цеппель перестал скрипеть и вздрагивать. Атаковали оглушённых врагов, безжалостно убивая всех, кто оказывал сопротивление, и на рывке добрались до последнего, четвёртого уровня. До капитанского мостика разбитого катамарана.

До пустого капитанского мостика.

///

Он сделал всё, что мог.

Несколько лет они провели вместе, несколько разных лет, вместивших в себя столько, что хватило бы на несколько жизней... На нём она училась летать, а потом — воевать, дома, на Кардонию, когда даже помыслить не могла, что станет женой одного из самых известных адигенов Герметикона. Выкупила его, отправила на полную модернизацию — хотела, чтобы её паровинг был самым лучшим в мире, и тем спасла от гибели во время ужасающего разгрома, который устроили им в Приоте. Затем он перебрался с ней на Лингу, был рядом в самые трудные дни, когда потерявшая всё на свете Кира собирала себя по кусочкам — поддерживал так же мягко и нежно, как Помпилио, отвлекал от горьких мыслей, помогал изучать новый мир; едва не сорвался в пике во время смертельного эксперимента, но вытянул, спас и себя, и хозяйку; отправился вместе с ней в опаснейшее путешествие по следам погибшей Тринадцатой Астрологической, честно сражался, наводя на врагов ужас, даже через Пустоту прошёл, а здесь не удержался. Местный воздух оказался для тяжёлой машины слишком лёгким, а местной воды — второй стихии паровинга — здесь не оказалось вовсе.

И он погиб.

— Ты сделал всё, что мог, — тихо сказала Кира, прикоснувшись рукой к корпусу машины. — Спасибо.

Паровинг не ответил. Он умер.

— Мне очень жаль, адира, — вздохнул Бабарский. — И ещё... я хочу сказать спасибо. Сейчас сказать. Вам и ему.

— Не за что, ИХ. — Кира постояла ещё мгновение, после чего отвернулась, сделала два шага прочь и не глядя на Бабарского спросила: — Экипаж покинул машину?

— Да.

— ИХ, ты сделал то, что нужно?

— Да, адира.

— Тогда иди.

— Конечно, адира.

Кира подождала, пока Бабарский отойдёт на безопасное расстояние, подожгла шнур и не быстро, спокойным, неторопливым шагом пошла прочь. Не оборачиваясь.

Машина взорвалась в тот самый миг, когда она укрылась за ближайшим из больших валунов. А ещё через минуту над местом гибели паровинга завис «Пытливый амуш».

///

— Наблюдаю адиру, — громко доложил вперёдсмотрящий.

— С ней всё в порядке? — поинтересовался Помпилио.

Они с Дорофеевым стояли с противоположной стороны, внимательно разглядывая в бинокли происходящее у катамарана: «Стремительный» завис над останками поверженного монстра и периодически открывал пулемётный огонь по пытающимся сопротивляться врагам и уцелевшим огневым точкам.

— Так точно. Адира здорова и в безопасности.

— Откуда взялся дым?

— Адира взорвала паровинг.

— Понятно...

— Отдать приказ приземляться? — спросил Дорофеев, не отрываясь от бинокля.

— Полагаю, «корзины грешника» будет вполне достаточно, Базза, — хладнокровно ответил дер Даген Тур. — У нас нет времени приземляться.

— Да, мессер, — кивнул капитан, мысленно согласившись с тем, что нескольких человек можно поднять на борт без лишнего комфорта, и распорядился: — Приступить к снижению до пятидесяти метров! Команда «корзины» — начать эвакуацию без приказа! Медикусу приготовиться к осмотру.

— По завершении эвакуации возвращаемся к катамарану.

— Да, мессер. — Базза помолчал. — Насколько я могу судить, там всё развивается по плану.

— Согласен. — Помпилио позволил себе улыбку. — Они наверняка подали сигнал бедствия. Так что времени у нас немного.

— Не более двух часов.

— И это — в лучшем случае. — Дер Даген Тур опустил бинокль. — Базза, продолжайте наблюдение, а я отлучусь к «корзине».

— Конечно, мессер.

///

— Начинаю снижение и приступаю к эвакуации, — доложил дер Шу.

— Принято, — отозвался Дорофеев.

— Принято, — подтвердил Капурчик, наблюдая за тем, как наземная команда, спустившаяся со «Стремительного» в «корзине грешника», крепит якоря к палубным надстройкам катамарана. Десантников было много, кроме того, среди них наверняка были раненые, поэтому дер Шу принял решение не просто посадить крейсер, а посадить так, чтобы снять лингийцев прямо с палубы

катамарана, благо размеры вражеского корабля это позволяли.

— Ловко, — одобрил Сямчик, оценив, с какой скоростью дер Шу ухитрился пришвартоваться к поверженному цеппелю.

— Лингийцы хорошо обучены, — согласился Капурчик. И наклонился к переговорной трубе: — «Макушка»!

— Да, господин капитан? — отозвался сидящий на самой верхней точке цеппеля наблюдатель. С «макушки», то есть со спины корпуса, открывался отличный обзор, что требовалось находящемуся в боевом охранении «Дэво».

— Доложить обстановку.

— Горизонт чист по всем направлениям.

— Хорошо. — Капурчик отставил трубу и повторил: — Хорошо.

— А вот мне кажется, что не очень, — негромко произнёс Сямчик.

— Что ты имеешь в виду?

— Лингийцы, — старший помощник кивнул на покидающих катамаран егерей. Некоторые из них тащили раненых, некоторые гнали перед собой пленных, остальные прикрывали отход. — Они не только хорошо обучены, но и весьма скрытны. Вряд ли они поделятся с нами всеми материалами, которые собрали на катамаране.

— Предлагаешь отправить собственную команду разведчиков? — с иронией осведомился Зиновар.

Сямчик поморщился:

— Ты прекрасно понял, что я имею в виду.

— Понял, — кивнул Капурчик. — Но мы не можем ничего изменить. И уж тем более — указывать дер Даген Туру.

— Да. Поэтому я и сказал, что всё не так уж хорошо.

— Но дер Даген Тур пообещал поделиться полученной информацией, и я не вижу повода ему не доверять.

— Даже так?

— Он держит слово, Иля, это общеизвестно. — Капурчик усмехнулся. — К тому же мы находимся неизвестно где, сражаемся неизвестно с кем, и я не хочу портить отношения со спутниками.

— Зачем нужны отношения, если мы ничего не получаем? — поинтересовался Сямчик.

— Мы живы, — напомнил капитан. — Эти ребята не спрашивали, зачем мы явились, а с ходу атаковали нас на Мартине. Мы должны были погибнуть и живы лишь благодаря дер Даген Туру.

Который сумел разобраться с происходящим, не позволил врагам применить своё главное оружие — установленную на катамаране машину — и опустил на землю крейсеры сопровождения.

— Ты ему благодарен? — неожиданно спросил Сямчик.

Вопрос был явно провокационный, отвечать на него следовало осторожно, и желательно так, как принято у галанитов, которые не могли даже представить себя обязанными чем-либо негаланиту. Ведь все остальные — низшие, и все обязаны им. Но ответить так Капурчик не мог и потому ушёл от ответа:

— Лысый много для нас сделал, Иля. Очень много.

— Так и должно было произойти, — пожал плечами Сямчик.

— А что тебе ещё нужно? Карты этой планеты? Уверен, мы их получим. Астрологические атласы? Их тоже нет смысла скрывать: сюда можно попасть лишь через Линггйский сектор.

— Меня интересует не только где мы, но и что здесь происходит? Компания хочет знать все местные тайны.

— А вот на этот вопрос мы вряд ли получим ответ: уверен, что те члены экипажа, которые располагают этой информацией, или мертвы, или надёжно спрятались, — развёл руками Капурчик. — А от рядовых цепарей толку мало.

— Уверен?

— Уверен. Но если Помпилио повезёт, я буду рад.

— Почему?

— Потому что он дал слово ничего от нас не скрывать.

И не скроет.

///

Принять полноценное участие в бою у Акселя Крачина не получилось: он успел вовремя, прибежал, когда егеря ещё продолжали зачистку надстройки, только вот взобраться на главную палубу катамарана, которая даже после катастрофы возвышалась над землёй примерно на сорок метров, оказалось нетривиальной задачей. К счастью, Дорофеев не забыл предупредить дер Шу о приближении Крачина, наблюдатели «Стремительного» засекли его, сразу поняли проблему и скинули верёвку с «кошкой», с помощью которой Аксель и взобрался на катамаран. Но уже после того, как основная перестрелка завершилась, то есть оставшиеся в живых члены команды катамарана перестали покидать укрытия и попадаться егерям на глаза. Командира взвода Крачин отыскал на капитанском мостике, который лингисты как раз потрошили, собирая в мешки все найденные карты, атласы и прочие документы. Обыск проходил во всех помещениях надстройки, а кроме бумаг егеря забирали всё, что казалось им интересным или непонятным.

— Штаб-майор.

— Рад вас видеть, Аксель, — улыбнулся стоящий у штурвала Панар. Он был единственным, кто не участвовал в обыске, но внимательно следил за работой подчинённых. — Как добрались?

— Неплохо.

Рассказывать о жёсткой посадке человеку, который только что испытал все «прелести» падения на землю в горящем цеппеле, Крачин счёл неуместным. Да и не время. Панар, в свою очередь, не стал спрашивать, почему

прикрытие с воздуха обеспечивают «Дэво» и «Стремительный», а не быстрый паровинг. Не время.

Но уточнил:

— Всё в порядке? — имея в виду экипаж паровинга. А в первую очередь, конечно же, Киру.

— Все живы, — кашлянув, подтвердил Аксель.

— Что мессер велел передать на словах?

Панар оставался без связи с того момента, как прыгнул на катамаран, что случилось ещё на соседней планете, и прекрасно понимал, что Помпилио отправит к нему нарочного при первой же возможности.

— Документация? — поднял брови Аксель, несмотря на то что прекрасно видел происходящее.

— Собрали всё, что нашли на мостике, в капитанском сейфе и кабинете астролога.

— Астролог?

— Его застрелили свои, когда поняли, что мы их заблокировали.

— Ожидаемо.

— Вполне.

И Панар, и Крачин были опытными военными и прекрасно понимали жёсткость системы сохранения важных тайн: секретные карты, секретные шифры — их тщательно берегли, прятали, а если не получалось — уничтожали. Так же как и носителей этих важных тайн. Учитывая загадки, с которыми Экспедиции довелось столкнуться на Мартине и здесь, астрологов можно было рассматривать в качестве источников ценнейшей информации, и не было ничего удивительного в том, что противник принял меры к недопущению утечки.

— Старшие офицеры?

— Полагаю, командование укрылось в потайной комнате, возможно, бронированной, мы пока не можем её отыскать, а если отыщем — вряд ли вскроем... — Панар помолчал. — Сколько у нас времени?

— Думаю, в пределах часа.

— В таком случае нужно довольствоваться документами и теми пленными, которые уже есть.

— Кого удалось взять? — поинтересовался Аксель.

— Из интересных — сменного рулевого и двух вахтенных офицеров.

— Как вы узнали, что он рулевой?

— Сам признался. Попросил не убивать, потому что может быть полезен.

— Проверим, — улыбнулся Крачин. — Ставишь на него?

— Да, — кивнул Панар. Откашлялся и продолжил: — Вахтенные более упёртые.

— Где они?

— В соседнем помещении.

Под охраной одного скучающего егеря.

И кто из них рулевой, можно было с лёгкостью определить, даже не будь на них формы со знаками различия: молодой парень был настолько напуган, что вскрикнул, услышав звук открывающейся двери. Поймал презрительный взгляд одного из офицеров, вздрогнул и низко опустил голову.

— Вам не жить, — сказал второй офицер, с ненавистью глядя на вошедших лингийцев.

— Да, мне говорили, — чуточку рассеянно отозвался Аксель.

— Сегодня вам повежло, но вы только ражожлили нас, ражожлили Магистра! Вы даже не представляете, какое гнездо ражворошили!

Офицер бросил быстрый взгляд на рулевого, и стало понятно, что пламенную речь он произнёс не потому... или — не только потому, что являлся фанатиком, а в попытке поддержать расклеившегося парня.

— А противостоять нам не можете — вас найдут и убьют.

— Именно об этом я и хотел поговорить, — неожиданно произнёс Крачин.

— О чём? — опешил офицер.

— Совершив прыжок, вы наверняка попытались связаться со своими, подали сигнал бедствия и сообщили о местонахождении. Полагаю, в настоящий момент сюда из всех сил торопятся крейсера, встречаться с которыми мы пока не планируем. Нам нужно время, чтобы осмотреться и продумать следующий шаг.

— Времени у вас нет.

Аксель поднял указательный палец, призывая офицера замолчать, но тот рассмеялся:

— Вы не жнаете, где находитесь, и не жнаете, куда идти. Пока вы будете осматриваться — вас окружают и...

Поскольку указательный палец не сработал, Крачин протянул руку и сдавил пленному горло.

— Время у нас есть, но его мало. Поэтому с этого момента говорить вы будете, только отвечая на мои вопросы. Понятно?

— Радуйся, что у меня связаны руки, — выдохнул офицер.

— Радуйтесь, что представляете для меня интерес. — Аксель выразительно посмотрел на пленника, кашлянул, прочищая горло, и перевёл взгляд на рулевого: — Мне нужен курс, который уведёт нас подальше от вашей базы и ваших кораблей.

— Ты его не получишь, — прорычал второй офицер.

— Если я его не получу, вы не будете иметь в моих глазах ни малейшей ценности.

Крачин расстегнул кобуру.

— Ты нас убьёшь? — хмыкнул первый офицер. — Безоружных?

— Вы причастны к гибели Девятнадцатой Астрологической экспедиции, к гибели моих друзей, — сухо напомнил Крачин. — Да, я вас убью. Как я только что сказал, я бы сразу вас убил, но нам кое-что от вас нужно и мы готовы заплатить.

— Если убьёшь — как ужнаешь курс?

— Положимся на удачу, — пожал плечами Аксель, вытаскивая бамбаду. — Не в первый раз.

Штаб-майор зевнул, прикрыв рот пальцами левой руки. Причём зевнул по-настоящему, с удовольствием, — устал.

— Я назову курс, — прошептал бледный как мел рулевой.

— Предатель! — Первый офицер дёрнулся, но Панар удержал его за плечо.

— Прекрасно. — Бамбада вернулась в кобуру. — Штаб-майор, эти двое должны быть доставлены на «Амуш». А молодого человека я буду сопровождать лично.

///

— Значит, курс...

— Для того чтобы не встретиться с неприятелем, мы должны идти на юго-юго-восток, — ответил Дорофеев.

— Откуда такая уверенность? — поинтересовался Помпилио. Он не участвовал в допросе, только что поднялся на мостик и пребывал в прекрасном расположении духа: Кира жива, не ранена, а самое главное — снова рядом, под его защитой. Окружённая заботой и вниманием.

— Курс сообщил рулевой с катамарана, мессер, в настоящий момент Аксель продолжает его расспрашивать. И если желаете...

— Нет, Базза, пока я не настроен беседовать с местными. — Дер Даген Тур откашлялся и поджал губы, показывая капитану, что предложить ему разговор с простолудином было странной и неуместной идеей. — Тем более с какими-то там рулевыми.

— Понимаю, мессер. — Дорофеев едва заметно улыбнулся. — Что же касается уверенности, она основана на том, что сражение с любым встреченным крейсером противника мы начнём с того, что выбросим рулевого за борт. — Пауза. — Пленник поставлен об этом в известность и не сомневается в нашей решительности.

- Он молод?
- Весьма.
- Хочет жить?
- Более чем.
- Может стать источником полезной информации?
- Полагаю, да, мессер, но точный ответ старший помощник даст в течение часа.
- Где они?
- Я приказал Бедокуру выделить для переговоров одно из подсобных помещений.
- Прекрасно... Что Галилей?
- Разбирается с картами и атласами. При необходимости присоединится к Акселю. — Базза кашлянул, подумав, что на этой планете у него на удивление часто першит в горле, и продолжил: — Мерса готовит следующие ракеты. Хасина перешёл на «Стремительный» и занимается ранеными.
- Вы поступили правильно, Базза. — Теперь выдержал паузу Помпилио. — Среди егерей потери большие?
- Девять убитых и семь раненых. Трое — тяжело.
- Выживут?
- Хасина не уверен.
- Жаль. — Дер Даген Тур вздохнул. — Нужно будет особо отметить в журнале проявленное егерями мужество. Необычайное мужество. Позаботиться о государственных наградах и пенсиях семьям погибших.
- Безусловно, мессер. — Капитан не стал напоминать, что Помпилио уже просил отметить в журнале проявленную егерями отвагу, отложил бинокль и понизил голос: — Могу я узнать, как чувствует себя адира?
- К счастью, не ранена и не пострадала во время посадки. Несколько расстроена потерей паровинга, и ей необходим отдых.
- Прекрасно понимаю, мессер. Как прошёл её переход через Пустоту?

— Сносно. Полагаю, за ужином Кира поделится с нами наиболее запомнившимися подробностями.

— Будет интересно послушать. — Дорофеев был ямаудой, человеком, не подверженным воздействию Знаков Пустоты, и любил расспрашивать обычных людей о переживаниях, испытанных во время межзвёздных переходов.

— Согласен. — Помпилио откашлялся. — Теодор!

— Мессер? — Откуда появился слуга, Дорофеев снова не заметил. Теодор Валентин обладал потрясающим умением оставаться в тени и оказываться на виду ровно в тот момент, когда Помпилио требовалось его присутствие.

— Теодор, мы с капитаном в настроении чего-нибудь выпить. На этой планете нас одолевает меланхолия и какое-то першение... Базза?

— С удовольствием, мессер.

— А першение?

— Я тоже обратил внимание на приступы странного кашля, мессер.

— Прекрасная наблюдательность.

— Спасибо, мессер.

— Теодор?

— Полагаю, чёрный чай с ореховым ликёром, мессер?

— Неплохо, — подумав, согласился дер Даген Тур. — Но перед ним — ячменной бедовки на два пальца.

— Прекрасный выбор, мессер. Мне нужно десять минут.

— Вечно ты ни к чему не готов, Теодор.

— Мне очень жаль, мессер.

— И заставляешь нас ждать.

— Десять минут, мессер.

Когда же Валентин покинул мостик, Помпилио перевёл взгляд на Дорофеева и негромко, чтобы не услышал рулевой, произнёс:

— А теперь, Базза, нам с вами нужно понять, где же мы, ядрёная прищпа, находимся. И как отсюда выбраться.

— Почему ты думаешь, что мы отсюда не выберемся? — спросил удивлённый Шилов.

— Я так не думаю, — взял назад Алецкий. — Я выразил осторожное сомнение в том, что это возможно.

— Почему? Что заставляет тебя нервничать?

А самое интересное заключалось в том, что Матиас Шилов ничуть не играл, он действительно не понимал, что вызвало у Алецкого сомнения в исходе предприятия.

— Ну... — Капитан научного цеппеля «Эл Шидун» запнулся, не зная, как ответить, поразмыслил и решил быть искренним: — Потому что из Тринадцатой Астрологической экспедиции вернулся только Галилей Квадрига. А наша экспедиция, Девятнадцатая, судя по всему, разделила судьбу Тринадцатой. Но Квадрига на борту «Пытливому амуша», «Амуш» неизвестно где, а мы с тобой...

А они где-то в северном полушарии Мартины, планеты, которую должна была исследовать Девятнадцатая Астрологическая. И их всего двое: тихоходное, невооружённое научное судно и захваченный Шиловым крейсер «Яртекмунуль», который браваый лингвист не задумываясь переименовал в «092» — так назывался грузовик, на котором он явился на Мартину. Их двое, и единственное, что они знают точно, так это то, что дер Даген Тур двигался в сторону северной полярной зоны, из которой, как уверял сумасшедший астролог «Амуша», можно было дотянуться до звёзд.

Все эти обстоятельства и вызывали у Алецкого сомнения.

А изложил он их во время совещания тет-а-тет, которое они провели на земле, — Матиас сказал, что по возможности следует соблюдать режим радиомолчания.

— Хочешь сказать, что мы разделим судьбу Тринадцатой?

— Выразил опасения...

— Больше оптимизма, дружище! — рассмеялся Шилов. — Мы живы, мы свободны, и мы вооружены — чего тебе ещё нужно для хорошего настроения?

— Очень хочется домой, — не стал скрывать Алецкий.

— Мы живы, мы свободны, и мы вооружены, — повторил Шилов. — Это необходимые условия для возвращения. Осталось придумать, как это сделать.

Не заразиться его оптимизмом было решительно невозможно, и Алецкий неожиданно для самого себя подумал, что их положение не такое уж плачевное. Осторожно подумал. И вздохнул, понимая, что никогда не будет таким же яростно дерзким, как его новый, но, судя по всему, очень хороший друг — капитан лингийского военно-воздушного флота Матиас Шилов, до сих пор прикидывавшийся капитаном скучного лингийского грузовика. Причём яростная дерзость Шилова не была наигранной, демонстративной — Алецкий видел, что лингиец действительно пребывает в отличном расположении духа и готов к любым неожиданностям. Особенно — к хорошей драке.

И смутить его было решительно невозможно.

Находимся на планете, с поверхности которой не видны звёзды? Ерунда! Враги ведь отыскивали способ их видеть, значит, и мы разберёмся!

Экспедиция разгромлена, остатки кораблей рассеяны по планете, и встреча с противником грозит гибелью? Разумеется, грозит — они горько пожалеют, если попадутся нам по пути!

А чтобы всё стало совсем хорошо, нужно отыскать мессера Помпилио, доложить обо всём, что случилось во время его отсутствия, и вернуться под его командование. Во-первых, потому, что мессер точно знает, что нужно делать. Во-вторых, если Помпилио потеряется, это обязательно вызовет гнев дара Антонио, так что лучше найти Помпилио и потеряться вместе с ним, ибо, кроме гнева дара Антонио, бесшабашный Шилов ничего по-настоящему не опасался.

«Ну а в-третьих, — подумал про себя Алецкий, — дер Даген Тур возможно сумеет призвать «развеселившегося» Шилова к разумной осторожности».

Что же касается хорошего настроения Матиаса, оно было вызвано захватом лёгкого крейсера — вернувшись к привычному командованию полноценным боевым цепелем, капитан Шилов почувствовал себя в своей тарелке и был не прочь продемонстрировать противнику умения.

— А самое главное, дружище, я располагаю крайне важной информацией о том, что происходит на Мартине и вокруг неё.

— Могу я узнать, откуда ты её получил?

— От бывшего капитана моего нового крейсера, — беззаботно ответил Шилов. — И хочу сказать, что на Мартине и вокруг неё творятся такие интересные дела, что следовало присылать не научную экспедицию, а полноценную ударную эскадру. Ничего личного, дружище, я с большим уважением отношусь к Астрологическому флоту, вы делаете важное и полезное дело, а мессер Помпилио и вовсе носит ваш мундир, но, при всём уважении, сначала этот гадюшник следовало зачистить из крупных калибров и прикончить всех, кто окажется на пути.

— Вижу, ты уже начал. — Не то чтобы Алецкий имел что-то против военных, но он искренне считал себя мирным человеком, и энтузиазм, с которым Шилов говорил о предстоящей войне, вызывал у него некоторое смущение.

— Нет, я лишь слегка размялся. — Шилов стал неожиданно серьёзным и ещё более неожиданно — грустным. — До тебя действительно не доходит, дружище?

— Что именно? — растерялся Алецкий.

— То, что они убили всех наших, — жёстко ответил Матиас. — Они убили всех, кого смогли: адмирала, офицеров, рядовых цепарей... всех парней, которых ты знал и с которыми шёл сюда. Убили за то, что мы сюда явились. — Пауза. — Тебя это не трогает?

— Мне жаль, но...

— Что «но», дружище? — перебил Алецкого Шилов. — Какое может быть «но»? Кровь пролилась. И не мы её пролили.

Да, с этим не поспоришь и Матиаса не переубедишь: в его картине мира пролитая кровь имела решающее значение. Относительно всего остального можно достичь компромисса, договориться, уступить, а вот кровь требует расплаты. Кровь прощать нельзя.

И лингийцы не прощали.

— И что теперь? — уныло спросил Алецкий.

— Отправляемся на поиски мессера и убиваем всех, кого встретим по дороге.

— А боеприпасов хватит?

— У меня есть оружие, значит, будут и боеприпасы. — Матиас вернулся к жизнерадостному тону. — Идём курсом, который указал тебе мессер, и надеемся на встречу. Сохраняем режим радиомолчания, переговоры — только семафором, так что не забудь поставить наблюдателя следить за моим семафорным постом.

— Можно вопрос?

— Разумеется.

— Почему ты решил, что из нас двоих главный — ты?

Не то чтобы Алецкому вдруг захотелось покомандовать — нет, просто капитана научного судна слегка покорила безапелляционность, с которой лингиец присвоил себе право командовать, вот и решил уточнить.

— Потому что, пока мессера с нами нет, я — единственный, кто сможет вытащить вас отсюда, — с обезоруживающей наглостью ответил Шилов.

— Или угробить, — вздохнул Алецкий.

— Или угробить, — не стал спорить Матиас. — Но ты знал, на что шёл, когда согласился встать под лингийское командование.

— А я соглашался? — изумился Алецкий.

— Разумеется! — с энтузиазмом ответил Шилов и объяснил: — Мартина находится в нашем секторе Герметико-

на, мы прибыли на неё, дали ей имя, занесли в астрологические атласы и установили флаг. Так что в настоящее время ты находишься на территории Лингийского союза. А согласно лингийским законам, в случае чрезвычайных обстоятельств старший офицер имеет право, а в некоторых случаях — обязан, принять на себя всю полноту власти. А наши обстоятельства, дружище, не чрезвычайные — они дермовые.

* * *

Долго ждать и далеко идти не пришлось...

Вообще идти не пришлось: уткнувшийся в чужую землю паровинг ещё догорал, исчезая в огненной алхимической смеси, когда на укрывшихся за скалой лингийцев упала гигантская тень «Пытливового амуша». Приземляться Дорофеев не стал, да на это никто и не рассчитывал, сбросил с пятидесяти метров «корзину грешника» и стал набирать высоту, не дожидаясь, пока экипаж паровинга окажется на борту. А учитывая, что «Амуш» поднимался разворачиваясь, чтобы скорее вернуться к месту падения катамарана, путешествие в «корзине» получилось запоминающимся — болтало крепко. Но, разумеется, не шло ни в какое сравнение с только что пережитым падением.

На борту всех тщательно осмотрел Хасина. Состоянием Киры медикус остался доволен, но порекомендовал «как следует отдохнуть», затем явился Помпилио и лично проводил жену в каюту, где её поджидала ванна. Рыжая попросилась на мостик, но дер Даген Тур с улыбкой ответил, что «ничего интересного больше не будет — катамаран на земле», и рыжая подчинилась. Тем более после боя на Мартине, прыжка через Пустоту и гибели паровинга ей действительно требовался отдых.

Она задремала в ванне на пару минут, поняла, что усталость берёт своё, отправилась в спальню и вышла из неё лишь через пару часов — свежая, бодрая, в элегантном платье, идеально подходящем блистательной Кире дер Да-

ген Тур, адире и светской даме, а не командору Астрологического флота. Валентин предупредил, что мессер ожидает супругу в кают-компани, в которой был сервирован лёгкий ужин, по окончании которого дер Даген Тур проводил рыжую на открытую палубу — прогуляться и полюбоваться красотами новой планеты.

«Пытливый амуш» шёл на высоте сто пятьдесят метров, и погода стояла безветренная, что особенно благоприятствовало приятной прогулке на свежем воздухе.

— Кажется, я слегка простудилась в Пустоте, — пошутила Кира, облачиваясь на перила. — В горле першит.

— Здесь все кашляют, — спокойно ответил Помпилио, остановившись рядом с женой так, чтобы плечом касаться её плеча. — Хасина и Мерса разбираются, из-за чего это происходит и что нужно делать.

— Думаешь, что-то серьёзное?

— Было бы серьёзное — мы бы уже почувствовали признаки недомогания, — ответил дер Даген Тур. — Полагаю, какая-то особенность местного воздуха, раздражающая наши дыхательные пути.

Ответил настолько уверенно и спокойно, что Кире захотелось податься вперёд и крепко прижаться к мужу. К всегда спокойному и хладнокровному мужу, широкоплечему, уверенному, сильному.

Внешне дер Даген Тур никак не походил на растиражированный, привычный всему Герметикону образ адигена: не очень высокий, плотный, лысый — как все чистокровные Кахлеса, он больше походил на простолюдина, нежели на представителя одного из древнейших адигенских родов Линги, а значит — всего Герметикона. В походе он предпочитал носить удобную цепарскую одежду, разумеется, пошитую на заказ, но Валентин предупредил хозяина, что Кира захотела появиться нарядной, поэтому Помпилио выбрал классический адигенский месвар — бордовый, расшитый золотом.

— Раздражающий наши дыхательные пути... — тихим эхом повторила рыжая фразу мужа. — Ещё одна особенность местного воздуха, помимо того, что он оказался слишком лёгким для паровинга.

— Мне очень жаль, Кира. — Он накрыл рукой её ладонь.

— Спасибо. — Она наконец-то уткнулась лбом в его плечо.

Он улыбнулся.

Она знала, что он улыбается.

— Ты доволен?

— Теперь ты на борту «Амуша». И мне намного спокойнее.

— Я вернусь на паровинг, — прошептала она, продолжая прижиматься к мужу.

— Я знаю.

— Сразу, как только появится возможность.

— Не сомневаюсь.

Он знал, что его рыжая красавица не может не летать, что ей нравятся скорость, командирское кресло и подрагивающий штурвал. А ещё дер Даген Тур знал, что если он попросит — Кира перестанет рисковать и навсегда откажется от паровинга. И сейчас очень удобный момент попросить... но он не станет этого делать. Ни за что не станет. Будет беспокоиться, бояться, но не попросит жену перестать летать.

— Спасибо.

Возможно, она прочитала его мысли.

Помпилио наклонился и нежно поцеловал Киру в губы. Она потёрлась лицом об его плечо, потом повернулась, чтобы они смотрели в одну сторону, и тихо сказала:

— Я даже представить не могла, что в Герметиконе сыщется планета красивее Мартины.

— Сама планета, будем справедливы, красотой не блещет, — пробурчал дер Даген Тур.

— Не придирайся.

— Я говорю лишь то, что вижу.

А видел он каменистую почву, собравшую в себя все оттенки бурого, такие же валуны, обломки скал и горы. Кратеры — от мелких, пяти-десяти метров диаметром, до гигантских. И полное отсутствие жизни. Ни растений, ни воды.

— Помпилио... — Кира вновь улыбнулась. — Ты прекрасно понимаешь, о какой красоте я говорю.

Он помолчал, тоже улыбнулся — рыжая поняла это по тому, с какой нежностью муж потёрся щекой об её щёку, — и негромко произнёс:

— Пустота умеет удивлять.

Согласившись с мнением жены.

— Думаешь, дело в Пустоте?

— Не сомневаюсь, что в ней, — кивнул дер Даген Тур. — Точнее, в аномалии, которая действует на Мартине, здесь и... по всей видимости — там.

— Здесь необычно.

— Необычно — весьма лёгкое определение того, что мы видим.

— Зато точное, — заметила Кира. — Красота не может быть стандартной.

— Наслаждению мешает непонимание происходящего.

— Ты меня дразнишь. Ты тоже восхищён.

Дер Даген Тур помолчал, после чего едва заметно улыбнулся:

— Да. — И поцеловал жену в шею. — Я действительно восхищён.

И было чем восхищаться.

Если гигантскую луну Мартины, которую адмирал дер Жи-Ноэль нарёк Близняшкой, ещё можно было сравнить с изумительной Деригоной, считающейся чудом Герметикона, то планета, на которой они оказались сейчас, аналогов не имела. Ничего похожего. Нигде. Она была частью удивительной системы, противоречащей всем законам астрологии и физики, нарушала каноны небесной меха-

ники, дерзко демонстрировала то, чего не может быть, и она... она была. И объяснить её существование получалось только аномалией. Причудой Пустоты, способной на всё так, словно была живой и развлекалась, складывая свои «кубики» в невероятные «домики». Невысокая гравитация, разреженный воздух и горизонт, находящийся ближе, чем следовало, говорили о небольших размерах планеты — однако она удерживала атмосферу. У неё не было собственной звезды, во всяком случае, до сих пор светило не появлялось, зато в небе улыбались друг другу два невозможно огромных спутника. И судя по всему, каждый из них был полноценной, пригодной для жизни планетой — с атмосферой и водой. И находились они настолько близко, что горы, моря и крупные озёра можно было разглядеть в простой бинокль. Если, конечно, их не скрывали облака...

Те облака, которые находились там, потому что здесь, на их каменистом пристанище, небо было абсолютно чистым.

— Одна луна на двоих? — прошептала Кира, увлечённо разглядывая необыкновенную картину.

— Возможно. Но в чём я не сомневаюсь, так это в том, что астрологи с ума сойдут от изумления. — Помолчал и добавил: — Не бортовые, конечно, а те, которые занимаются астрологией как наукой.

Потому что бортовые астрологи, перемещающие цепели через Пустоту, и так считались сумасшедшими.

— Теперь я понимаю, почему ты любишь путешествовать.

— Пустота умеет удивлять, — повторил дер Даген Тур. Он мягко взял жену за руку и посмотрел в глаза: — Я очень испугался сегодня.

Кира промолчала. Но взгляд не отвела.

— Дважды испугался, — продолжил Помпилио. — Первый — когда ты направила паровинг в «окно» перехода.

— Ты в него вошёл, — коротко ответила рыжая.

— Я должен был так поступить, — сказал дер Даген Тур.

— И я.

— Ты сильно рисковала.

— Мерса проходил на паровинге через чужое «окно».

Но никто не делал этого на цеппеле. Так что ты рисковал сильнее.

— Я должен был так поступить.

— Я — твоя жена, Помпилио, и я пойду за тобой куда угодно: в «окно», на войну, на бал, в театр, — твёрдо произнесла Кира. — Я всегда буду рядом. Где угодно. Против кого угодно. Я буду рядом. — Она помолчала и закончила: — Ты знал, на что шёл, когда женился на мне.

— По-другому и не нужно, — не менее твёрдо ответил дер Даген Тур. — Но я всегда буду за тебя бояться.

— А я — за тебя. — Она на мгновение прижалась к мужу, затем отстранилась и прищурилась: — А теперь скажи: ты вытащишь нас отсюда?

— Разумеется.

— Иного ответа я не ожидала.

* * *

Это был разгром и позор.

Но цеппель, даже гигантский катамаран с его уникальной машиной, можно восстановить или построить новый... Ведь цеппели гибли не только в бою, но и ломались во время ураганов, врезались в горы из-за неумелого управления, да, в конце концов, их можно было потерять в Знаках во время простейшего перехода через Пустоту. Потеря цеппеля — естественна, а вот как пережить унижительное поражение, не знал никто. Поражение в бою, который должен был стать пустой формальностью. В бою, исход которого ни у кого не вызывал сомнений. В бою, в котором три корабля: один военный и два плохо вооружённых рейдера, вдребезги разнесли пусть и небольшую,

но отлично подготовленную эскадру, прибывшую даже не побеждать, а прихлопнуть наглецов, осмелившихся заявиться на Мартину¹. Два лёгких крейсера, доминатор и катамаран последовательно легли на землю, а заодно указали лингийцам путь на Близняшку.

Разгром и позор.

И приблизительно понятно, как к ним отнесётся Канцлер.

Но об этом старались не думать. То есть все, разумеется, держали предстоящий «разбор полётов» в уме, внутренне дёргались, прятали в карманы дрожащие руки, нервно шутили, слишком громко говорили, замирали от предчувствия неприятностей, но сейчас старательно, с подчёркнутым вниманием занимались текущими делами.

— Что там? — спросил Магистр. — Лингийцы улетели?

— Разведчики ещё не вернулись.

— Не слышу!

— Я скажу, когда станет ясно, — грубовато отрезал Капитан.

Третий улыбнулся. Не обозначил улыбку, как привык, а именно улыбнулся — во весь рот, поскольку его всё равно никто не мог увидеть.

Старшие офицеры Мартинской эскадры — Магистр, Капитан и Третий перебрались в бронированную капсулу после того, как гигантский катамаран, краса и гордость урийского воздушного флота, позорно рухнул на безжизненную поверхность Близняшки. Вскоре отключилось электричество, и следующий час им пришлось провести в полной темноте. И это обстоятельство изрядно смущало Магистра, раздражало Капитана, а Третьему позволяло не следить за мимикой, реагируя на высказывания толстяка так, как ему хотелось, а не как «правильно».

---

¹ Урийцы называют Мартину и Близняшку иначе, но чтобы избежать путаницы, в романе приняты лингийские названия планет.

Связь с окружающим миром они поддерживали через проведённую в соседнее помещение переговорную трубу — в нём находились телохранители, и десять минут назад Капитан распорядился выслать разведчика.

— А вдруг его убили лингийцы? — продолжил расспросы Магистр.

Продолжил прежним, тонким голосом, который совсем не вязался с его массивной внешностью. Магистр был невероятно, а главное — очень неприятно — толст: одутловатое лицо, жирные щёки, толстый нос и складки, повсюду складки... Он был толст настолько, что с трудом стоял и двигался, поэтому, как правило, пребывал в креслах, а когда требовалось пройти больше сотни шагов, как правило делал их с помощью телохранителей. А вот одевался он так, как привык давным-давно, когда мог похвастаться другим сложением: кожаный плащ, полувоенный пиджак с воротником-стойкой, галифе и сапоги до колен. И очки с наглухо затемнёнными стёклами. Всё — чёрное. Ярко-чёрное. На том Магистре, который был быстрым волком, форма сидела идеально, а получившийся образ вызывал страх. Сейчас же он казался пародией на самого себя.

И от знаменитой храбрости мало что осталось.

— Что будем делать, если лингийцы взяли разведчика?

— Отправим следующего, — буркнул Капитан.

— А вдруг они его поймали, допросили, узнали, где мы прячемся, и сейчас идут к нам?

Говорить о том, что вскрыть бронированную капсулу можно лишь за пять-шесть часов изрядной возни, Капитан не стал. Промолчал. И слово взял Третий.

— Полагаю, лингийцы уже улетели, — мягко произнёс он. — Вряд ли они стали дожидаться спасательного отряда.

— То есть мы можем выходить?

— Давай дождёмся возвращения разведчика.

— А если он не вернётся?

Капитан, кажется, выругался — ни Магистр, ни Третий не разобрали слов в его невнятном бормотании. А затем снаружи постучали, и Капитан открыл переговорную трубу:

— Да?

— Можно выходить, — доложил телохранитель.

Спрашивать, что увидел разведчик, Капитан не стал — всё равно сейчас сам всё увидит, — подтвердил, что понял сообщение, открыл дверь и лучом фонарика указал на полужащего в кресле Магистра:

— Помогите ему выбраться. — Корабль стоял под углом, поэтому самостоятельно покинуть капсулу и добраться до верхней палубы у толстяка вряд ли получилось бы.

Телохранители бросились исполнять поручение, а Капитан и Третий поспешили наверх, на грандиозную палубу, находящуюся меж двух «сигар». На палубу, на которой гордо возвышалась удивительная машина, способная смешать в кучу и отправить в Пустоту тридцать цеппелей разом. На палубу корабля, который ещё несколько часов назад казался воплощением человеческого Гения. А сейчас, разбитый и разграбленный, уныло валялся на скалах, а Урия и Мартина смотрели на него с усмешкой.

Как смотрят холодные звёзды на любого проигравшего.

«Сигары» смяты, разбиты, из той, которая горела, ещё струится дым. Баллоны, конечно, повреждены, возможно, не все, но многие. Угрюмые цепари выносят из внутренних помещений тела погибших и складывают около машины.

Разгром и позор.

— Они потеряли паровинг, — попытался найти хоть что-то хорошее Капитан.

— Мы его сбили? — оживился Третий.

— Совершил жёсткую посадку. Видимо, не удержался в здешней атмосфере. — И добавил то, что все и так знали: — Паровинги очень тяжёлые, намного тяжелее аэропланов.

Третий помолчал, тщательно обдумывая услышанное, а затем негромко спросил:

— Рыжая спаслась?

Капитан огляделся, убедился, что помощники далеко, а Магистра только начали пропихивать через узкие двери на палубу, и очень тихо ответил:

— Полагаю, да. В противном случае лысый не улетел бы, не убив всех нас.

— Пожалуй, — согласился Третий.

Они знали историю Помпилио, знали, как жестоко расплатился он с убийцами первой любви, с каким трудом обрёл вторую, и догадывались, что месть за Киру, случись с ней хоть что-нибудь, будет ещё страшнее. И потому Капитан и Третий не сговариваясь подумали о том, что их великий предводитель, наверное, допустил ошибку в расчётах. Да, он умён, точнее — гениален, да, он придумал машины, способные перевернуть Герметикон. Да, он вызывал уважение, почитание и страх, и оба они — и Капитан и Третий — верили ему беззаветно. И ещё шесть часов назад не сомневались в победе, будучи преисполнены уверенностью в своих силах.

Да, так было.

А потом они увидели людей, без колебаний пошедших в атаку на очевидно превосходящие силы — и разгромивших эти силы. Людей, рискнувших прыгнуть с одного цеппеля на другой в разгар воздушного боя, под пулёмётным огнём — и взявших цеппель на бордаж. Людей, не побоявшихся войти в чужое «окно» — и так прошедших непредсказуемую Пустоту, и Пустота, видимо изумлённая подобной дерзостью, не показала им даже тень своих чудовищных Знаков. Они увидели этих людей и подумали, что

лидеру следовало умерить гордыню и хотя бы попытаться договориться с линггйцами.

Они одновременно подумали об этом.

А вот Магистра, которого наконец-то подвели к Третьему и Капитану, беспокоило совсем другое.

— Он будет очень недоволен, — произнёс толстяк, уныло разглядывая останки корабля. Стоять на слегка накренившейся палубе Магистру было тяжело, но толстяк вцепился в поручень и кое-как справлялся, сам справлялся, поскольку отослал помощников, не желая, чтобы они слышали разговор.

— Он будет в ярости, — уточнил Третий.

— Ещё в какой, — вздохнул Капитан.

— Это наша общая вина, — поспешил напомнить Магистр. Обычно толстяк не отказывал себе в удовольствии подчеркнуть, что является главным в их небольшом коллективе, но позорный разгром заставил его изменить манеру поведения. — Мы принимали решения сообща.

Фраза прозвучала так жалко, что Третий поморщился, не забыв отвернуться, и подумал о том, что никогда не понимал, почему лидер благоволит толстяку. Да, звериная жестокость в наличии, как и готовность выполнить абсолютно любой приказ; преданность, больше подходящая на рабскую покорность, тоже присутствует, и при этом — очевидная подлость характера. Третий прекрасно понимал, что случись что — Магистр предаст не раздумывая, предаст кого угодно, даже лидера, и знал, что лидер об этом знает. Но тем не менее продолжает назначать Магистра главным и поручать важнейшие операции.

— Что скажете?

— Операция была поручена всем нам, — угрюмо сказал Капитан. Сейчас он не мог ответить иначе.

— Да, — тихо подтвердил Третий, умудрившись сохранить на лице серьёзное выражение.

А толстяк, услышав, что товарищи не собираются сваливать вину на него, приободрился и следующий вопрос произнёс намного увереннее:

— Куда подевались лингийцы?

Капитан и Третий, от которых не ускользнула перемена в Магистре, обменялись быстрыми понимающими взглядами, после чего Капитан ответил:

— Взяли курс на северо-запад.

— В этом есть смысл? — Магистр неплохо знал Ближняшку, но до сих пор не удосужился узнать, в каком именно районе планеты они находятся.

— Да, смысл есть, — произнёс Капитан. — Уходить отсюда на северо-запад наиболее оптимально. Там практически нет станций и баз, не ведутся разработки и потому есть лишь минимальная вероятность быть замеченными с земли или встретить патрульный цеппель.

— Они не могли угадать, куда идти.

— Свидетели утверждают, что лингийцы взяли в плен нескольких офицеров.

— Один из которых очень быстро заговорил, — ощерился Магистр. — Надеюсь, он будет жив, когда мы доберёмся до Помпилио: очень хочется поговорить с предателем особо.

На мгновение на лице толстяка появилось такое выражение, что Третьего передёрнуло. В душе. Внешне он остался невозмутим, потому что находился не в тёмной капсуле и тщательно следил за выражением лица.

— Когда мы организуем погоню?

— Рация уничтожена, — развёл руками Капитан. — Мы не можем сообщить нашим, куда направились лингийцы.

— И что?

— Будем ждать, когда до нас доберётся первый цеппель.

— А лингийцы будут безнаказанно шляться по Ближняшке?!

Капитан и Третий промолчали, ограничившись взглядами, в которых явственно читался вопрос: «И кто же в

этом виноват?!», однако Магистр уже полностью пришёл в себя, вернулся к прежнему способу восприятия мира, в котором он непогрешим, а во всём виноваты окружающие, и не обратил никакого внимания на взгляды офицеров.

— Где радист? Почему он не уследил за рацией?

— Радист погиб, — сухо ответил Капитан. — Рация вышла из строя во время удара о землю.

— Когда за нами придут?

— Через час. Может, через два.

— Мы бездарно теряем два часа! — Магистр грубо выругался. — А Помпилио по-хозяйски летает по Близняшке!

— И кто знает, что он натворит, если мы не поймаем его в ближайшее время, — обронил Третий.

— Я не собираюсь его ловить. Я хочу его убить.

— Дер Даген Тур и его астролог нужны живыми, — сухо напомнил Капитан.

— А значит, рыжую тоже нельзя трогать, — добавил Третий. — Если мы случайно убьём его жену, брать Помпилио живым бессмысленно — он будет думать только о мести.

— Он — лингиец, когда мы его возьмём, он будет думать только о том, чтобы вырваться и перебить всех нас.

— А рыжая станет прекрасным рычагом влияния на него.

— Пожалуй, — согласился после небольшой паузы Магистр. И посмотрел вниз. — Я хочу спуститься на землю. Пусть наши люди это организуют. Пусть спустят кресло и разобьют палатку. И пусть принесут еды — я хочу есть.

— Конечно, — буркнул Капитан и жестом велел телохранителям толстяка подойти.

А Третий задрал голову и посмотрел на Мартину.

— Жаль, что нам пришлось её оставить.

— Мы просто ненадолго уехали, — выдохнул Магистр. Почесал второй подбородок и закончил: — Да и что может произойти на Мартине? Ведь Девятнадцатая Астрологическая полностью уничтожена.

* * *

— Увы, капитан. Двигатель мы восстановить попробуем — если Эггерт доставит нужные запчасти и эти запчасти окажутся в рабочем состоянии, то шанс на успех есть. А вот лопасти точно под замену. — Механик мрачно указал на гигантскую лопасть маршевого двигателя, которая неудачно приземлилась в крупный обломок скалы. — Нам ещё повезло, что она не вырвала мотогондолу.

Не вырвала, зато сломалась. А у соседнего двигателя — погнулась. И учитывая размеры и вес лопастей и тот факт, что на сбитых «Пытливым амушем» цепелях они тоже могли оказаться повреждёнными, а если целыми, то их придётся как-то снимать, тащить через лес и устанавливать на «Дрезе» без полноценного набора инструментов и механизмов, — учитывая перечисленное, ремонт корабля превращался в ещё более сложную задачу, чем казался изначально. Однако командир подбитого грузовика — старый капитан Жакомо — отступить не собирался.

— Согласен, с мотогондолой нам повезло... — Старик уверенным жестом поправил фуражку и улыбнулся: — Добрый Маркус не оставил нас даже здесь.

На окраине Герметикона, на таинственной, поглощённой аномалией Пустоты Мартине, обитатели которой из всех сил старались их уничтожить.

— Честно говоря, капитан, ничем иным, кроме везения, я наше спасение объяснить не могу, — неожиданно продолжил разговор механик. — Я думал, нам конец. — Помолчал и закончил: — Все думали, что нам конец.

— Не все, — хладнокровно ответил Жакомо. — Добрый Маркус не помогает трусам, цепарь, странно, что ты — лингиец — об этом позабыл.

И усмехнулся — хладнокровно.

А механик густо покраснел.

Но если честно, и он, и капитан, и все цепари «Дрезе» прекрасно понимали, что, да — повезло. Невероятно

повезло. Шли прямо над катамараном, получая в брюхо плотный огонь, матерились, дрожали, молились, погибали под пулями и снарядами, прошивающими обшивку снизу, но шли, десантируя на флагман неприятеля отчаянных егерей. Не верили, что прорвутся, и не прорвались — потеряли ход, когда вышли из строя две из шести мотогондол; потеряли высоту, когда снаряды зенитных пушек продырявили семь баллонов; потеряли управление, когда заклинило рули, и жёсткая посадка, которую пообещал Жакомо, напоминала падение.

Тем не менее обошлось: «Дрезе» сел хоть и жёстко, но всё-таки сел, не рухнул, а «Пытливый амуш» и «Стремительный» отправили на землю все корабли противника, оказав тем самым последнюю в этом сражении услугу экипажу грузовика — его некому было атаковать. Затем «Амуш» и оставшиеся в строю вымпелы ушли в «окно» катамарана, а Жакомо занялся рутинной работой: провёл перекличку личного состава, отправил раненых к медику, мёртвых — в холодильник, остальным велел провести тщательную проверку систем корабля. Результат не обрадовал: «Дрезе» получил изрядно, однако виду Жакомо не подал. Объявил, что состояние цеппеля позволяет рассчитывать на проведение ремонта в полевых условиях, сформировал отряд под командованием старшего помощника Эггерта — им предстояло добраться до подбитых вражеских цеппелей и определить, можно ли снять с них необходимое «Дрезе» оборудование, а сам занялся инспекцией грузовика, лично изучая состояние цеппеля и подбадривая занимающихся ремонтом цепарей.

И добился своего — команда обрела уверенность. Абсолютное спокойствие старого капитана помогло подчинённым преодолеть первые, самые неприятные часы, когда казалось, что надежды на спасение нет, и вернуться в привычный рабочий ритм. А когда занят делом, панические мысли исчезают.